

ВОЛОДЯ

На первом семинаре дня Анн Мирьям замечает нового парня, которого вчера там не было. Явно форсит — кому придет в голову напялить в июле костюмный жилет?! Однако погода действительно довольно прохладная. Бородатый, на ногах мартенсы, модный до тошноты, эдакий тип из Peaky Blinders. Носки только странные — стариковские гольфы омерзительного бежевого оттенка.

Новый тип представляется всем как Володя, у него отличный немецкий язык. Он изучал социологию и решил пойти в магистратуру в художественной школе. Скорее всего, сын богатых родителей, если может позволить себе подобные метания. Анн Мирьям наблюдает, как Володя думает и слушает. Володя быстро берет на себя в компании роль комика и заразительно смеется над своими и чужими шутками. Анн Мирьям вспоминает шутки Володи в своей комнате в общежитии. Потом она болтает в чате с Шимоном, обсуждая предстоящий проект. Между делом Анн Мирьям упоминает, что сегодня к группе присоединился новый студент. Шимону, кажется, знакомо это имя, парень писал об их предыдущей выставке или что-то в этом роде. Или Шимон выпивал с ним в Венеции? Да неважно. Наверное, нужно меньше пить, — решают оба.

На следующий день после пленэра Анн Мирьям садится рядом с Володей в столовой. Совершенно случайно. Володя задает вопросы, интересуется, улыбается, пахнет дорогими духами и Русской церковью. Приятный. Когда он уходит, потому что ему нужно сделать один звонок, Мирьям понимает, что она говорила только о себе, а Володя о себе так и не смог ничего рассказать. «Фак, rookie mistake», — думает Анн Мирьям, — Я должна была позволить ему говорить о себе, мужчины это любят».

Вечером в общежитии Мирьям идет по коридору. Одна дверь приоткрыта. Мирьям заглядывает в комнату. Внутри на кровати сидит голый Володя. Его тело покрыто татуировками и шрамами, как будто кто-то пытался содрать с него кожу. Перед Володей на ковре лежит необработанный кусок гранита. Володя разговаривает с камнем по-русски. Володя молится за души древних пионеров, Володя просит Солнце никогда не заходить, Володя молит, чтобы пролетариат проснулся и прозрел. Один его глаз смеется, а другой плачет.

И тут, как в плохом водевиле, кто-то в другом конце коридора громко хлопает дверью. Володя через секунду оказывается у своей двери, распахивает ее. С нечеловеческой силой Володя тащит Мирьям в комнату, его глаза уже не смеются и не плачут. Он тащит Мирьям в постель, целует ее, Мирьям слабо сопротивляется. Язык Володи у нее во рту, он странно сухой, как бумага. Все происходит быстро, Володя знает, что делает. Мирьям ковляется в свою комнату. Она понимает, что что-то очень неправильно, но слишком устала, чтобы что-то предпринимать. Она хочет спать, хочет поскорее добраться до своей постели, она опустошена.

Шимон сидит в полицейском участке у стола следователя. «Это не она», — говорит он полиции, — «Мирьям 27 лет. А вы показали мне какую-то высохшую старуху. Я не знаю, как она попала в ту комнату. Это какая-то злобная шутка. Найдите этого гребаного Володю». «Нет никакого Володи, никто не помнит молодого человека с таким именем, в базе данных летней школы его тоже нет», — терпеливо отвечает следователь, — «Пожалуйста, постарайтесь успокоиться и вспомнить, где еще вы видели пятиугольный символ, нарисованный над сердцем погибшей. Не хотите ли воды?»

Текст:

Mariten

Анн Мирьям Вайкла и Шимон Кула
«Монумент ре/эволюции»

Пожалуйста, перед применением внимательно прочтите данный текст. Если у вас возникнут дополнительные вопросы или какие-либо сомнения, обратитесь к кому-нибудь.

Храните этот текст в надежном месте, возможно, вы захотите прочесть его снова.

Состав *«Монумент ре/эволюции»*?

Комбинированный эффект сопоставления; в определенной параллели, где основными компонентами являются монументальный Ленин (ок. 1950 г.) и скульптурный мегалит/ монолит (ок. 4500–1500 гг. до н.э.). Условием воздействия является часто принимаемое за истину и еще чаще ошибочное представление, в котором Восток копирует Запад (нынешнее здесь с акцентом на Европу). Ответов не требуется давать, но навык подвергать сомнению необходим. Кто все-таки кого копирует? Как они связаны с общим развитием событий; ходом вещей в целом?

Какова рекомендуемая доза?

Рекомендуемая доза зависит от точки зрения. Рекомендуется многократно соблюдать многогранную перспективу. Следует избегать чрезмерной спешки. Допускается умеренный темп. Это не игра. Много — это слишком много, но малого может оказаться слишком мало.

Каковы меры предосторожности приема *«Монумент ре/эволюции»*?

Если вы относите себя скорее к Западу или Скандинавии. Если вы думаете, что бывший Восток — бывший, и не более. Если вы глобалист или большой поклонник Ленина. Если вы не представляете, кто такой Ленин и где в Таллинне находился бульвар его имени. Если вы действительно причисляете себя к Западу, или считаете, что Америки на самом деле не существует. Если вы думаете, что находитесь в индивидуальной темпоральности, или вы мечтаете о несуществующем будущем и о не наступившем настоящем.

Что произойдет в случае пропуска приема?

В случае пропуска очередного приема, примите, как только вспомните. Попробуйте вспомнить время до вашего рождения. Затем продолжайте прием по прежней схеме. Повторите.

Каковы побочные действия *«Монумент ре/эволюции»*?

Головокружение, усталость глаз и ошибочное суждение, что представленное является неоконченной или находящейся в стадии воплощения статуей Ленина. Вы можете подумать, что Ленин и монолит — это персонажи из разных фильмов, проецируемые на общий экран, чьи монологи почти случайны, но случайно синхронизировались.

В случае возникновения неудобств в связи с упомянутыми или иными побочными реакциями, поговорите с кем-нибудь.

Текст:

Художник:

Esko

Наша

Здесь стоял памятник Ленину. Ленин уже при жизни был памятником, что уж вспоминать. Памятник перед большим белым зданием, который построили из панельных блоков позже, — об этой композиции говорили как одной из немногих городских планировок, соответствующих духу тоталитарной идеологии.

Потом Ленина сняли. Ничто не должно было напоминать, что здесь стоял Ленин. Это место должно было стать нормальным пространством. Нормальность вообще была главной целью, как при демонтаже, так и после. А большое белое здание осталось, оно стало теперь совершенно другим местом, и постепенно это стало новой нормальностью. Вокруг здания осталась историческая тоталитарная планировка, куда уж ей деться. И это место как будто рама с пустующей картиной внутри, сознательно неиспользуемым потенциалом.

Здесь стоит валун, в котором мы угадываем Ленина. Но это не памятник Ленину, а что-то другое. Мегалит скопирован во Франции, где живет один из авторов произведения, Шимон Кула. Ленин скопирован в Нарве, где живет другой автор произведения, Анн Мирьям Вайкла, и где памятник Ленину почему-то сохранился как музейный экспонат. Художники объединили цифровую копию памятника, содержание которого помнят (некоторые слишком хорошо) с копией памятника древней культуры, содержание которого никто не помнит, в объединяющий прошлое и будущее памятник, история которого началась вчера или даже сегодня: ведь и утренняя чистка зубов, и прошлогодний снег, и образование ракообразных животных на земле — это все прошлое. Подобно валуну помещают Вайкла и Кула эту историю в центр тоталитарного ансамбля, рамы с незаполненным потенциалом. Они помещают оригинальную работу, созданную путем копирования, в оригинальное тоталитарное пространство, что в итоге становится нереализованной копией запланированного результата этого пространства. Меч в сером камне. Можно ли повторно использовать тоталитарное пространство без его первоначального эффекта?

Художник:

Текст:

Kaunistoore

Hanna Lamina

Ощупывая рельефную поверхность холодного валуна, пальцы выделяют ложбины и возвышения. Вот здесь дождевая вода выточила за тысячелетия в камне глубокие борозды. А здесь с обманчивой мягкостью его облик вытачивал ветер. Камень не позволяет человеческим пальцам погрузиться внутрь, да и пониманию недолговечного человеческого сознания он раскрывается не без труда. Но в пространстве за закрытыми глазами постепенно обретает форму некий — правда, не совсем устойчивый — образ.

Валун хранит в себе переплетение нескольких поколений. Будучи надвидовым соединением, он несет в себе гармонию минералов и отживших организмов, где отдельная жизнь неразличима. Изменения климата, все перенесенные испытания остаются на его теле отпечатками на границе формы и бесформенности. Эрозия — творческая сила, которая создает, одновременно разрушая. Но то, что вызвало к жизни разрушение, остается отчужденным, словесные мосты утрачены. Те, кто могли бы помнить, не чтят память. Те, кто не могут помнить, *хранят постпамять*.

Постепенно в геологической абстракции проявляется антропоморфный образ. Древние рытвины превращаются в морщины на усталом лице. В выпуклостях камня вырисовываются глазницы и скулы. В каждую черту лица вплелись гнев и страх предшественников, несших и оберегавших невыносимую боль словно опору, необходимую при ходьбе. А теперь, прижав пальцы одной руки к застывшей в теле валуна скульптуре, другой же — к своему дышащему жизнью лбу, прислушайся и представь.

Послесловие

Понятие *постпамять*¹, введенное в оборот профессором Колумбийского Университета Марианной Хирш, указывает на взаимодействие младшего поколения с личной, коллективной или культурной травмой (представителей) поколения предшествующего. Связь с прошлым создается в этом случае не при помощи памяти, а посредством воображения. Младшему поколению ранее невыносимая травма являет себя опосредованно, в историях, изображениях и моделях поведения; события прошлого отзываются в настоящем копиями — через потомков. *Постпамять* — это процесс и сознательное желание установить эмпатическую связь с болью из прошлого.

1 www.postmemory.net

Текст:

Kaljo

Художник:

Hanna Lamina

Рожденная в 1990-м году, я хорошо помню это безумное десятилетие: первый McDonalds в Таллинне и мой фанатизм по Spice Girls и «Титанику». У меня даже была футболка с изображением Леонардо Ди Каприо. С подругами мы бесконтрольно ели чипсы и пили фанту. Мы не подозревали, что влияния западного мира наконец достигли нас. Ведь никакой другой, советской Эстонии, мы никогда не знали.

Мне кажется, что лучше всего говорить о вторжении Запада в Восточную Европу в 1990-х через поп-культуру и культуру потребления. Поэтому на эту тему в истории скульптуры и исторической географии мне пришлось задуматься. Я не эксперт, но все же чему-то научилась в школе и университете. Когда я училась в гимназии, история древних цивилизаций еще не были факультативом, а являлась обязательной частью учебной программы. Позднее я сама преподавала историю искусств. И мне как-то сложно понять, как это «Восток копирует Запад».

На развитие Европы или западного мира непосредственное влияние оказали культуры Востока и Северной Африки. История западного искусства все еще начинается с появления Месопотамии (на территории нынешнего Ирака) и Древнего Египта. Однако история самой Европы намного сложнее, потому что национальные государства, которые мы знаем сегодня, возникли совсем недавно, в последние 200 лет. В прошлом карта Европы характеризовалась крупными империями разного размера с подвижными границами — одинаково могущественными как в Восточной, так и в Западной Европе.

Одной из основных целей как светского так и религиозного искусства древних цивилизаций была демонстрация, прославление и подчинение власти. В тоталитарном обществе искусство и архитектура находятся на службе у правителей и лидеров, и Советский Союз и его памятники Ленину в двадцатом веке не были чем-то новым в контексте Восточной Европы. Тот же самый подход использовался на протяжении тысячелетий по всему миру. В этом смысле, мы в действительности имеем дело с преемственностью и примером того, как шаблоны повторяются на протяжении истории человечества. Даже немного расстраивает, особенно наблюдая за тем, что происходит в повседневной политике.

Художник:

Текст:

Magdalena

Бабушка рассказывала мне, как однажды, на исходе советских времен, она шла по бульвару Ленина мимо памятника Ленину. Она совсем недавно обрела Бога и была спасена. Стоя перед памятником Ленину, она вдруг почувствовала непреодолимое желание что-то сделать. Какая-то высшая сила велела ей пробежать семь кругов вокруг этой статуи с криками: «Именем Господа, ты сойдешь оттуда!» И, несмотря на удивленные взгляды немногочисленных очевидцев, она подчинилась этому призыву.

В суровых по отношению к религии условиях советского режима такой библейский ритуал завоевания Иерихона мог показаться довольно странным, а окажись среди наблюдателей сотрудники соответствующих органов, эта эскапада могла стать даже опасной. Но бабушку это не остановило. Снова и снова рассказывая мне эту историю, она всегда радостно и гордо говорила, что вот, бабка с сумочкой семь раз пробежала вокруг статуи, взывая к Богу, и гляди-ка, Советский Союз вскоре развалился. Спасибо тебе за это, бабушка.

Памятники — это физическое и материальное воплощение наших убеждений, ценностей и верований. Как объекты они могут существовать тысячелетиями, но их значение и положение в современном обществе зависит от меняющихся обстоятельств.

Анн Мирьям и Шимон оба выросли в то время, когда памятники Ленина на бульварах Ленина были низвергнуты с пьедестала; когда изображения Ленина, широко распространенные и серийно выпускавшиеся по всему Советскому Союзу, внезапно потеряли свое значение и пафос; Владимир из бронзы и камня остался без работы. Отсутствие всяческого соприкосновения с этой фигурой и восприятия ее в свое время привели к тому, что для художников статус и влияние этой личности растворились, и она осталась картинкой в учебнике по истории. Ленин так же эмоционально далек от них, как любой древний мегалит. Возведя эти два гигантских культовых объекта на двухмерную лентичулярную доску, художники полностью освобождают их от сакральности, превращая в гибридную диско-пародию — мегален или ленилит. Они также не особо задумываются о коннотациях, о том, что местоположение произведения может означать для людей, которые старше них на поколение или какие воспоминания оно может вызвать. Да и не должны задумываться. Важен сам монумент как таковой. И растворение монумента в тумане истории. Какими бы крепкими, гигантскими и громоздкими ни были памятники, им всем тяжело бороться со временем. Если не найдется революционеров, мятежников или бабушек, которые их свергнут, любой памятник однажды будет уничтожен забвением.

Художник:

Текст:

Maavik

Начнем с шутки. Какой юбилей был в 1974-м году? Ответ: 50 лет без Ленина.

Художники Анн Мирьям Вайкла и Шимон Кула в своем произведении «Монумент (P)еволюции», представленном на Артишок биеннале, рассматривают реликты советской эпохи, в частности памятники Ленину. Памятники напоминают художникам загадочные объекты, которые обладали странной притягательностью в обществе, в котором сами художники никогда не жили.

Художник и художница, которые родились в 90-е годы, считают, что их поколению не хватает объединяющей коллективной памяти по отношению к памятникам Ленина, и что в постсоциалистических странах прошлое не связано с современностью или подготовкой к настоящему. Желая сделать прошлое более доступным для своего поколения, они создают памятник в виде основанного на интернет-эстетике движущегося изображения — гибрид валуна и Ленина.

По мнению Анн Мирьям и Шимона, монолит — это образ, который может лучше всего передать вакуум и пустоту, соответствующие уровню знаний поколения интернета по этой теме. Техническая реализация их идеи воплощена в другом реликте — их вдохновил детский календарь с движущейся картинкой — общая память из прошлого молодых художников из Восточной Европы.

В рамках акции в ходе Артишок биеннале на Площади Исландии будет установлен напечатанный на 3D-принтере плакат размером 1,2 x 3,6 м. Но какое послание может передать в публичное пространство это 10-15-минутное действие — быстрая вспышка изображения Ленина на валуне? Может быть, то, что происходит в физическом пространстве, уже далеко не единственный слой нашей реальности? Что зрительная память, получающая информацию только с экрана, искажена? Что у стрим-общества не может быть общего прошлого или будущего, устойчивости и преемственности? Трудно сказать, не видя самого действия, но завершу свой рассказ еще одной шуткой. Почему фабрика Tegur начала выпускать резиновые фигурки Ленина? Ответ: чтобы каждый мог надуть для себя Ленина любого желаемого размера.

Художник:

Текст:

Maria

Обжигающе жаркая погода. Куда ни глянь, навязчиво палит солнце. В небе нет ни намека на облака, ни даже воспоминания о них. Есть только одна большая синева. Город сухой и пыльный, томимый жаждой. Кожа покрывается испариной, к которой прилипает пыль. В такие безжалостные дни я обычно бесцельно блуждаю до самого заката, в поиске укрытия от солнца и от самой себя. На левой стороне улицы, через дорогу, возвышается одно здание. Формы более-менее прямоугольной и уверенно удручающей. Усталое, запыхавшееся. Особенно под этим всепроникающим солнцем. Перед зданием находится Исландская площадь. С исключительно красивым и успокаивающим именем. Одна мысль о котором действует ободряюще.

Через дорогу от дома деревья, скамейки и лужайка с невысокими зелеными изгородями. Я прислоняюсь к грубому стволу и смотрю на тихое здание, рядом с которым слышится неожиданно живой шум. Все глаза прикованы к большому плакату, на котором изображен один-единственный камень. Одиноким мегалит возвышается под резким северным солнцем. Вид гигантского каменного холма и шум вокруг него действуют на меня успокаивающе.

На соседней скамейке сидит пожилая дама в накрахмаленном костюме и шляпе. Что-то в ее облике намекает на то, что она уже длительное время наблюдает за происходящим — взглядом, который говорит о серьезности, задумчивости и некой уступчивости. Во мне пробуждается ленивое любопытство, и я сажусь рядом с ней.

— Долго это уже длится? — спрашиваю я, имея в виду сцену.

— Да, — отвечает она, не поднимая глаз, — долгое время. Временами успокаивается, потом расходится с новой силой. И так с самого утра.

Снова глядя на плакат, я тоже замечаю, что изображение на нем изменилось. Теперь у камня появились узнаваемые очертания головы, рук и ног. Взгляд его серьезен, устремлен за горизонт. Он в костюме и с лысой головой. Ленин.

— Он меняется время от времени? — спрашиваю я, с возрастающим интересом к происходящему.

— Нет, это зависит от того, под каким углом смотреть, тут можно найти несколько точек наблюдения, — отвечает она ласково, но лаконично.

— Тяжелый символ, — говорю я, покачивая головой.

— Символ имеет силу, только если верить в него, кормить его. Я больше не верю. С возрастом понимаешь, что это всего лишь груды камней или металла. Время не может остановиться, но может остановиться человек, который зацепился за что-то в прошлом.

Иллюстрация:

Текст:

Luiga

Vitamiin

Сийм Прейман:

Для начала обсуждения это, наверное, критичное замечание, но если уж говорить о поколенческой теме «Восток против Запада», взяв с одной стороны валун возрастом до 6500 лет, а с другой — статую Ленина... У меня возник вопрос: существовали ли вообще такие категории как Запад и Восток 6500 лет назад? Этот мегалит нельзя назвать характерным западным сооружением. Это объект, который существовал до политического жеста установления государственных границ, раздробления народов. Люди, воздвигнувшие этот валун, могли вообще не знать, что где-то на Востоке, вблизи какого-то другого валуна, живут другие люди. Но может сложиться и так, что мы с тобой еще помним, что был на свете Ленин, а нашим детям можно будет показать какой-нибудь менгир или дольмен, а затем статую Ленина, и они не поймут, чем они отличаются.

Лириан Хиоб:

Статуя Ленина может восприниматься таким же артефактом из глубины времен, как и это каменный монолит. Просто необходимо время, чтобы эта скульптура обрела такой статус. Формат трансформирующегося образа, который используют Анн Мирьям и Шимон, как раз и является, образно говоря, попыткой убрать Ленина на пыльный чердак истории. Высвободить его от эмоций, которые он всегда вызывал. Я тоже подумала от том, что чем дальше, тем значительнее становятся те немногие монументы, которые у нас еще остались.

СП:

Да, мы необязательно согласны с этими монументами, так как они предназначены для насаждения утраченной идеологии. Мы не обязательно гордимся ими, но если мы их прячем, не означает ли это, что... мы отрицаем, что такое вообще имело место в истории? Так мы полностью потеряем нашу память! Не знаю, раскусит ли кто-нибудь, что какие-то тридцатилетние художники вернут Ленина на старое место в Таллинне?

ЛХ:

Ну, я не знаю, Ленин уже и на футболках красуется. Всего пару лет назад фирма Adidas выпустила футболку с текстом «СССР». От временной дистанции куда не денешься...

СП:

Вот именно. Как кажется, сплавление Ленина и монолита для Востока смогло бы означать некую надежду. Или страх. В зависимости от того, хочешь ли ты забыть или, напротив, боишься этой амнезии. Но с западной перспективы это все — одна жидкая историческая масса, и неважно, будет напечатан на футболке Ленин или мегалит.

Художник:

Текст:

Вогі

ЭХО, -а; *ср.* [греч. Ekhō] **1.** Отражение звука от удалённых предметов, воспринимаемое ухом или прибором. *Лесное, горное эхо. Троекратное эхо. Повторять что-л., как эхо* (не вникая в смысл, бездумно). // *Физ.* Отражение радиоволн от какого-л. препятствия, направленное в сторону источника этих волн. **2.** Отзвук, отклик чего-л. *Эхо минувших событий. Эхо вчерашнего дня.* • По имени древнегреческой горной нимфы Эхо, безответно влюбившейся в Нарцисса и высохшей от тоски по возлюбленному, так что от неё остался один только голос, способный повторять лишь окончания произнесённых в её присутствии слов.

Источник:

Большой толковый словарь русского языка.

Гл. ред. С. А. Кузнецов.

Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.

Авторская редакция 2014 года.

Художник:

Текст:

Dracastel